

DARK
Romance **2**
АБЬЮЗЕР,
КОТОРОГО Я НЕ МОГУ
забыть

ДЖОН ЗАПРЕТНЫЙ

18+

Джон Запретный

**Dark Romance 2: Абьюзер,
которого я не могу забыть**

«Автор»

2026

Запретный Д.

Dark Romance 2: Абьюзер, которого я не могу забыть /
Д. Запретный — «Автор», 2026

Ксюша и Костя вместе пять лет. Когда-то их роман был похож на сказку: цветы, нежность, забота и обещания вечной любви. Но после переезда в общую квартиру все изменилось. Костя стал холодным, раздражительным, жестоким. Он контролирует каждый ее шаг, а его телефон всегда лежит экраном вниз. Единственное светлое пятно в этой жизни — их корги Бублик, верный и смешной, который чувствует надвигающуюся бурю раньше хозяйки. Это история о том, как легко потерять себя в руках того, кто умеет быть богом в постели и дьяволом за ее пределами. История, балансирующая на грани любви и безумия. Данное произведение предназначено для аудитории 18+. В тексте присутствуют: откровенные сцены, эмоциональное насилие, сталкерское поведение, одержимость, сцены жестокости и токсичные отношения. Герой является морально-серым антигероем, его поступки не являются примером для подражания. Читать только в том случае, если вы морально готовы к истории, балансирующей на грани любви и безумия.

© Запретный Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Идеальная картинка	5
Трещины	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Джон Запретный

Dark Romance 2: Абыюзер, которого я не могу забыть

Идеальная картинка

Ксюша любила утро. Вернее, любила когда-то. В той, прошлой жизни, где по утрам ее будили не холодные лучи чужого равнодушия, а теплые прикосновения и запах свежесваренного кофе, который Костя приносил ей в постель. Тогда она открывала глаза и видела его улыбку — широкую, немного дерзкую, но такую родную, что внутри все переворачивалось от счастья. Это было давно. Теперь по утрам она просыпалась от того, что Бублик тыкался влажным носом ей в ладонь, свешивающуюся с кровати, и тихо поскуливал, просясь на прогулку. Кости рядом уже не было: он вставал раньше, молча, и уходил на кухню, не сказав ни слова.

Ксюша лежала еще несколько минут, слушая звуки квартиры. Где-то на кухне гудела кофемашина, работал телевизор — какой-то новостной канал, который Костя всегда включал по утрам, хотя не смотрел. Бублик нетерпеливо перебирал лапами по полу, цокая когтями. Наконец Ксюша заставила себя подняться, накинула халат и, сунув ноги в пушистые тапки, поплелась в прихожую.

Их квартира была и правда красивой. Семьдесят квадратных метров на седьмом этаже нового жилого комплекса, с высокими потолками, панорамными окнами, дизайнерским ремонтом в бежево-серых тонах. Ксюша сама выбирала обои, шторы, светильники, и Костя тогда не спорил — он был в том периоде, когда соглашался на все, лишь бы она улыбалась. Теперь эта квартира казалась ей чужой, слишком большой, слишком пустой, слишком идеальной. Как декорация к фильму, в котором она больше не хотела сниматься.

Бублик, почуяв, что хозяйка наконец встала, завертелся волчком у входной двери. Это был корги — рыжий, с белой грудкой и умными карими глазами, которые, казалось, понимали все. Он появился в их жизни три года назад, и Ксюша до сих пор помнила тот день, когда Костя принес его домой: крошечный комочек с лисьей мордочкой, который испуганно жался к его груди. Тогда Ксюша расплакалась от счастья, а Костя смеялся, целовал ее в макушку и говорил, что теперь у них настоящая семья. Настоящая семья... Слова, которые теперь звучали как насмешка.

— Сейчас, Бублик, сейчас, — прошептала Ксюша, натягивая поводок.

Она вышла на улицу, и холодный сентябрьский воздух резанул по лицу. Двор был тихим, только дворник мел асфальт да на детской площадке одинокая мамашка укачивала коляску. Бублик бодро тянул вперед, обнюхивая каждый куст, и Ксюша шла за ним, не замечая ничего вокруг. Она думала о том, как странно устроена жизнь: снаружи все выглядит идеально — красивая пара, милая собачка, уютная квартира, — а внутри... Внутри было холодно, как в этом осеннем воздухе.

Они гуляли минут двадцать. Бублик сделал все свои дела, обнюхал знакомых собак, получил порцию восторженных комплиментов от проходившей мимо бабушки. Ксюша механически улыбалась, кивала, отвечала на вопросы о породе, а сама думала о том, как быстро летит время. Еще вчера — или позавчера? — она была влюблена. Любила до дрожи, до мурашек, до слез умиления. А теперь она шла по двору и не чувствовала ничего, кроме усталости.

Когда она вернулась домой, Костя уже сидел за столом с чашкой кофе и телефоном в руке. Он не поднял головы, даже когда она вошла. Только Бублик, радостно цокая когтями по ламинату, подбежал к нему, виляя задом. Костя не пошевелился.

— Доброе утро, — сказала Ксюша, вешая поводок на крючок.

— Угу, — буркнул он, не отрываясь от экрана.

Телефон. Этот чертов телефон всегда лежал экраном вниз. Ксюша замечала это уже несколько месяцев, но не придавала значения. Сначала думала — привычка, просто удобно так класть. Потом начала обращать внимание: когда он выходил из комнаты, телефон был с ним. Когда сидел за столом, телефон лежал рядом, но обязательно экраном вниз. Когда звонил, отходил в другую комнату, плотно закрывая дверь. Она не спрашивала. Боялась услышать ответ.

Ксюша налила себе кофе, села напротив. Тишина между ними была почти осязаемой, как плотный туман. Она смотрела на Костю: ему было тридцать два, но выглядел он старше — морщинки в уголках глаз, легкая седина на висках, усталое, осунувшееся лицо. Когда-то он казался ей самым красивым мужчиной на свете. Теперь она видела в нем чужого человека.

— Сегодня у меня съемка в салоне, — нарушила молчание Ксюша. — Вернусь к шести. Может, закажем роллы?

— Мне все равно, — ответил он, не глядя на нее. — Делай что хочешь.

«Делай что хочешь». Это было его любимое выражение в последнее время. Оно означало не свободу, а безразличие. Раньше он говорил: «Давай закажем роллы, ты же их любишь». Или: «Может, сходим в тот новый ресторан?». Теперь — «мне все равно». И от этого «все равно» у Ксюши сжималось сердце.

Она допила кофе, вымыла чашку, собралась на работу. Бублик проводил ее до двери, грустно глядя снизу вверх. Ксюша наклонилась, погладила его за ухом.

— Не скучай, малыш. Я скоро.

Бублик лизнул ей руку, и она на секунду прикрыла глаза, впитывая это тепло. Единственное настоящее тепло в этой квартире.

По дороге в салон Ксюша снова думала о начале их отношений. Они познакомились пять лет назад, на дне рождения общей подруги. Костя тогда был веселым, шумным, обаятельным — душа компании. Он подошел к ней, когда она стояла одна у стола с закусками, и сказал, что она похожа на героиню французского фильма — красивая и немного грустная. Ксюша рассмеялась, потому что ничего французского в ней не было: обычная девушка из провинциального города, с мечтами о красивой жизни. Но он смотрел на нее так, словно она была сокровищем. И она поверила.

Они начали встречаться. Костя ухаживал красиво: цветы без повода, прогулки до рассвета, спонтанные поездки на выходные. Он запомнил все, что она любит, — от сорта кофе до любимой книги. Он звонил по десять раз в день, просто чтобы спросить, как у нее дела. Он познакомил ее со своими друзьями, с родителями, с коллегами. Он говорил, что она — лучшая вещь, которая случилась в его жизни. И Ксюша верила. Каждому слову. Каждому взгляду. Каждому прикосновению.

Первые два года были действительно сказкой. Потом они съехались. И все изменилось.

Нет, не сразу. Сначала Костя был все таким же заботливым, но постепенно, шаг за шагом, что-то начало ломаться. Первым звонком была его реакция на ее просьбу повесить полку в ванной. Ксюша попросила, он отмахнулся: «Потом». Прошла неделя, вторая, полка так и не появилась. Когда она напомнила, он взорвался: «Ты хоть понимаешь, как я устаю на работе? Я прихожу домой, а ты со своими мелочами!». Ксюша тогда растерялась, извинилась, хотя не чувствовала вины. Но извинилась, чтобы не ссориться. С тех пор это стало привычкой — извиняться, когда не виновата, лишь бы сохранить мир.

Потом были другие мелочи. Костя стал раздражаться из-за всего: слишком громко работает телевизор, слишком яркий свет, слишком долго она собирается. Он не кричал — цедил сквозь зубы, и от этого тона Ксюше становилось не по себе. Он стал холодным. Отстраненным. Его взгляды, которые раньше были полны нежности, теперь были пустыми, оценивающими,

иногда презрительными. Ксюша списывала это на усталость: у него стресс на работе, сложный проект, начальник-самодур. Она уговаривала себя, что все наладится, что нужно просто потерпеть, поддержать его. Она так старалась быть хорошей, удобной, незаметной, что сама не заметила, как растворилась в этой роли.

— Ты сегодня очень задумчивая, — заметила Марина, коллега по салону, когда Ксюша переодевалась в рабочую форму.

— Просто не выспалась, — отмахнулась Ксюша.

Марина не стала расспрашивать, но посмотрела на нее с тем самым выражением, которое Ксюша научилась распознавать: жалость, смешанная с тревогой. Словно все вокруг видели то, что она сама отказывалась замечать.

Рабочий день прошел как в тумане. Ксюша на автомате улыбалась клиенткам, делала массаж, рассказывала о новых процедурах. Руки двигались привычно, а мысли были далеко — в той квартире, где остался Бублик и человек, которого она больше не узнавала.

Вечером, когда она вернулась домой, Костя снова сидел с телефоном. На столе стояла пустая коробка из-под пиццы — значит, он уже поел, не дожидаясь ее. Ксюша молча прошла на кухню, налила воды. Бублик подошел, потерся о ее ноги, словно чувствуя напряжение.

— Как прошел день? — спросила она, не надеясь на развернутый ответ.

— Нормально, — буркнул Костя, не отрываясь от экрана.

Ксюша стояла у окна, глядя на зажигающиеся окна соседнего дома. Ей хотелось что-то сказать, но она не знала, что именно. Слова застревали в горле, как рыбы кости. Вместо этого она подошла к нему, положила руку на плечо. Он дернулся, сбросив ее ладонь.

— Не сейчас, — сказал он резко. — Я занят.

Ксюша отступила. Внутри все сжалось. Она хотела заплакать, но слезы не шли — они давно закончились, высохли где-то глубоко внутри. Она просто кивнула, хотя он не видел, и вышла из кухни.

В спальне было темно. Она легла на кровать, уставившись в потолок. Бублик запрыгнул рядом, свернулся калачиком, положив голову ей на живот. Его тепло немного успокаивало.

Воспоминания снова нахлынули, как волны. Костя, который носил ее на руках по пляжу. Костя, который завязал ей глаза и привел на крышу, где был накрыт стол на двоих. Костя, который шептал ей на ухо слова, от которых кружилась голова. Где тот человек? Куда он ушел? И самое страшное — вернется ли он когда-нибудь?

Ксюша не знала ответов. Она только чувствовала, как с каждым днем их идеальная картинка трескается все сильнее. Как трещины расползаются по стенам их отношений, как холод проникает внутрь, как темнота сгущается в углах. И она ничего не могла с этим сделать. Потому что все еще верила, все еще надеялась, все еще любила.

Или думала, что любит.

Она закрыла глаза, и перед ней всплыло его лицо — не то, сегодняшнее, усталое и равнодушное, а то, из прошлого: улыбающееся, светящееся, полное любви. Она цеплялась за этот образ, как утопающий за спасательный круг. Ведь если отпустить — что останется?

Она не знала. И от этого незнания становилось еще страшнее.

Ночь опустилась на город, укрыв его темнотой. В квартире было тихо, только из-за двери слышалось тихое постукивание пальцев по экрану телефона. Костя снова сидел в телефоне. Ксюша знала, с кем он переписывается. Знала, даже не заглядывая в экран. Эта догадка жгла изнутри, но она не решалась произнести ее вслух. Потому что слова делали бы реальным то, что она отчаянно пыталась отрицать.

Она повернулась на бок, обняла Бублика, зарылась лицом в его теплую шерсть. Собака тихо засопела, прижавшись ближе. И в этой темноте, полной невысказанных слов и невыплаканных слез, Ксюша впервые призналась себе: их идеальная картинка — всего лишь иллюзия. А за ней — пустота, которая разрастается с каждым днем.

Но признаться — еще не значит принять. И она продолжала цепляться за надежду, что однажды все вернется. Что Костя снова станет тем, кем был. Что телефон перестанет лежать экраном вниз, а его взгляд перестанет быть чужим.

Она не знала, что это только начало. Что впереди — боль, страх, предательство и борьба за собственную жизнь. Но это будет потом. А сейчас — тишина. Тепло собаки. И последняя, слабая вера в чудо.

Ксюша заснула, не заметив, как по щеке скатилась одинокая слеза. Где-то в соседней комнате Костя отложил телефон, встал и подошел к окну. Он смотрел на ночной город, и в его глазах не было ничего — ни любви, ни сожаления. Только холод. Тот самый холод, который Ксюша так боялась почувствовать, но который уже поселился в их доме. И не собирался уходить.

Трещины

Утро следующего дня началось с тишины. Не с той уютной, сонной тишины, какая бывает по выходным, когда можно не спешить и валяться в постели до полудня. Нет, это была тишина чужая, настороженная, как затишье перед грозой. Ксюша проснулась от того, что Бублик тихо постукивал у двери, переминаясь с лапы на лапу. Она открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок, силясь понять, что изменилось. В квартире было пусто. Костя уже ушел.

Она села на кровати, обхватив колени руками. В голове снова всплыли вчерашние мысли о трещинах, о холоде, о чужом взгляде. Она гнала их прочь, но они возвращались, как назойливые мухи. Бублик, не выдержав ожидания, подбежал к кровати и положил морду ей на колени, глядя умными карими глазами.

— Сейчас, малыш, — прошептала она, погладив его за ухом. — Сейчас пойдем.

Она накинула халат и прошла на кухню, чтобы налить себе воды. Взгляд случайно упал на тумбу в прихожей, где Костя обычно оставлял ключи и мелочь. Телефона не было. Он, как всегда, забрал его с собой. Но Ксюша заметила, что вчера вечером, когда они сидели в разных комнатах, он выходил на кухню и, кажется, забыл его там, на столе. Или ей показалось? Она не помнила точно. Помнила только, как он стоял у окна с этим светящимся экраном и что-то печатал. А потом ушел в спальню, и она слышала, как он долго ворочался.

Ксюша накормила Бублика, оделась потеплее и вышла на улицу. Сентябрьское утро было зябким, пахло мокрым асфальтом и прелой листвой. Во дворе было пусто, только пожилая женщина с пуделем выгуливала его у клумбы. Бублик потянул к ней, виляя задом, и Ксюша рассеянно улыбнулась, когда женщина заговорила о погоде. Мысли ее были далеко. Точнее, в собственной квартире, на кухонном столе, где мог лежать телефон Кости.

Она не хотела лезть в него. Правда, не хотела. Но что-то внутри, какое-то тревожное, липкое чувство, заставляло ее думать об этом весь день. А вдруг там ничего нет? А вдруг она напридумывала? Вдруг Костя просто устал, и его раздражение — это временно, а телефон, лежащий экраном вниз, — просто привычка, о которой он говорил? Вдруг все это — игра ее воображения, и единственная трещина в их отношениях — это ее собственные страхи?

Она вернулась домой около десяти. Кости не было. Квартира встретила ее тишиной и запахом вчерашней пиццы. Ксюша прошла на кухню, чтобы поставить чайник, и тут заметила его. Телефон. Черный, без чехла, лежал на краю стола, экраном вниз. Сердце пропустило удар, потом забило быстро-быстро, как у пойманной птицы.

Она замерла. Стояла и смотрела на этот прямоугольник, как на ядовитую змею. Нельзя. Не смей. Это его личное пространство. Она сама учила его, что доверие — главное. Но рука уже потянулась, дрожа, и пальцы сомкнулись на холодном корпусе.

Экран загорелся. Уведомления. Несколько от коллег, одно от мамы, одно из банка. И одно сообщение в мессенджере, от контакта, сохраненного как "Алина". Ксюша знала эту Алину. Они работали вместе, Костя иногда упоминал ее в разговорах о работе. Обычная девушка из отдела маркетинга. Ничего особенного. Но когда Ксюша открыла переписку, ее пальцы похолодели.

Сердечки. Розовые, красные, мерцающие. Поцелуйчики. "Сладких снов, Кость". "Ты сегодня был таким горячим на встрече". "Не могу дождаться завтра". И его ответы: "Ты тоже ничего", "Скучаю", "Скоро увидимся, детка".

Ксюша читала, и мир вокруг сужался до размеров этого экрана. Дыхание перехватило, к горлу подкатила тошнота. Она листала вверх, дальше, еще дальше. Там были фотографии. Их совместные, с корпоративов. Какие-то шутки, которые она не понимала. И снова сердечки, поцелуйчики, "сладких снов". Это длилось не неделю и не месяц. Это длилось давно.

Она стояла, не в силах пошевелиться, и чувствовала, как внутри что-то рушится. Не с грохотом, а тихо, как рушится старый дом: сначала падает одна стена, потом другая, и вот уже нет ничего, кроме пыли и обломков. Бублик, почувствовав ее состояние, подошел и ткнулся носом в ногу, но она не заметила. Она все смотрела на экран, на эти сердечки, на слова, которые он писал другой женщине.

"Сладких снов, детка".

Он никогда не называл ее деткой. Никогда. За пять лет он придумал ей кучу прозвищ: Ксюш, Ксюшенька, Зайка, Солнышко. Но "детка" — это было не его слово. Это было их слово. Его и Алины.

Ксюша положила телефон на стол, экраном вниз, как он любил. И тихо, очень тихо, вышла из кухни. В спальне она села на кровать и уставилась в стену. В голове было пусто и гулко, как в заброшенном храме. Она не плакала. Слезы не шли. Вместо них — ледяное, парализующее спокойствие. Она знала, что вечером, когда Костя вернется, она должна будет с ним поговорить. И от этой мысли ее начинало трясти.

Он пришел через полчаса. Ксюша слышала, как хлопнула входная дверь, как он сбросил ботинки, как прошел на кухню. Она сидела в гостиной, на диване, с Бубликом у ног. В руках у нее была кружка с остывшим чаем, хотя она не помнила, как ее взяла.

— Привет, — сказал Костя, заглянув в комнату. — Ты чего в темноте?

Она не ответила. Он включил свет, и комната залилась ярким, режущим глаза светом. Костя стоял в дверях, в расстегнутой куртке, с пакетом из супермаркета. Его лицо было обычным: усталым, немного раздраженным, но не более. Как будто ничего не случилось. Как будто там, в его телефоне, не было этих сердечек.

— Нам надо поговорить, — сказала Ксюша, и ее голос прозвучал чужим, хриплым.

— О чем? — спросил он, и в его тоне она уловила настороженность.

— Я видела твою переписку с Алиной.

Он не вздрогнул. Не побледнел. Только сжал челюсти, и на его скулах заходили желваки. Несколько секунд он молчал, глядя на нее, и в этом взгляде было не раскаяние, а раздражение. Словно она только что призналась, что рылась в его вещах, и это было преступление страшнее любых сердечек.

— Ты лазила в моем телефоне? — спросил он тихо, но в голосе уже звенел металл.

— Ты оставил его на столе. Я не хотела, но... я увидела. Сердечки, поцелуйчики. «Сладких снов, детка». Это что, Костя?

Он сделал шаг к ней. Ксюша невольно вжалась в спинку дивана. Бублик поднял голову и настороженно замер.

— Это рабочая переписка, — отчеканил он. — Алина — моя коллега. Мы общаемся по работе. Иногда шутим. Что тут такого?

— Шутите? — Ксюша почувствовала, как внутри поднимается волна гнева, смешанная с болью. — Это не шутки. Это флирт. Это предательство.

— Предательство? — он усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли тепла. — Ты хоть слышишь себя? Ты влезла в мой личный телефон, прочитала личные сообщения и теперь обвиняешь меня в предательстве? Это ты предала мое доверие!

Ксюша встала. Ноги дрожали, но она заставила себя смотреть ему в глаза.

— Я не влезала. Я случайно увидела. И то, что я увидела, — это измена. Как минимум эмоциональная.

— Эмоциональная измена! — он засмеялся, но смех вышел злым, лающим. — Ты сама придумала этот бред. Я просто общаюсь с коллегой. Да, мы с ней хорошо ладим. Да, она мне нравится как человек. Но это не значит, что я тебе изменяю!

— Сердечки? Поцелуйчики? «Сладких снов»? Это нормально?

— Это просто так принято у нас в отделе! Все так общаются! Ты просто ищешь повод для ссоры, потому что тебе скучно! Тебе всегда скучно, ты вечно чем-то недовольна!

Его голос повышался с каждым словом. Ксюша видела, как его лицо меняется: скулы заостряются, глаза темнеют, на лбу вздувается вена. Это был уже не тот Костя, которого она знала. Это был чужой, страшный человек, который кричал на нее, размахивал руками, обвинял во всех грехах.

— Ты вечно все драматизируешь! — кричал он. — Ты как моя мать! Сначала истерика, потом обвинения! Я устал! Слышишь? Устал от твоего недоверия!

Он схватил со стола кружку — ту самую, из которой Ксюша пила чай, — и с размаху швырнул ее в стену. Керамика разлетелась на осколки, и один из них, отскочив, чиркнул Ксюшу по щиколотке. Она вскрикнула и отшатнулась. Бублик залаял и спрятался за диван.

— Довольна? — проорал Костя, тяжело дыша. — Этого ты хотела? Чтобы я психанул?

Ксюша не могла вымолвить ни слова. Она стояла, прижав ладонь к груди, и смотрела на осколки на полу, на его искаженное яростью лицо, на трясущиеся руки. Внутри все оборвалось. Это был не ее Костя. Это был монстр, которого она не знала.

— Убирайся! — закричал он, указывая на дверь. — Если тебе что-то не нравится, убирайся! Я не собираюсь оправдываться перед тобой!

Ксюша не двинулась. Она просто стояла и смотрела, как он мечется по комнате, пиная стул, скидывая с полки книги. Казалось, он не может остановиться, и его ярость питается сама собой. Наконец он остановился, уперся ладонями в стол, опустив голову. Его плечи вздымались от тяжелого дыхания.

— Просто уйди, — сказал он уже тише, но от этого не менее страшно. — Уйди, Ксюша. Пожалуйста. Иначе я за себя не отвечаю.

Она медленно, словно во сне, развернулась и пошла в ванную. Закрyla дверь на защелку, прислонилась к стене и сползла вниз, на холодный кафель. Бублик, прибежавший следом, заскулил и прижался к ней всем телом. Ксюша обняла его, зарылась лицом в теплую шерсть и наконец дала волю слезам.

Она рыдала беззвучно, вздрагивая всем телом, и не могла остановиться. Слезы текли по щекам, капали на шерсть Бублика, на пол, на ее руки. Она не знала, сколько прошло времени. Минуты, часы? В ванной было темно и тихо, только из-за двери слышались редкие шаги Кости. Он не стучал. Не звал. Не пытался извиниться. Он просто ходил по квартире, как ни в чем не бывало, словно это она была виновата, а он — пострадавшая сторона.

Ксюша сидела на полу, обнимая собаку, и думала о том, как она могла так ошибиться. Как могла не заметить, что человек, которому она отдала пять лет жизни, стал для нее чужим. Или он всегда был таким, а она просто не хотела видеть?

Ночь тянулась бесконечно. Ксюша так и не вышла из ванной. Она слышала, как Костя, наконец, ушел в спальню и хлопнул дверью. Потом наступила тишина. Глубокая, вязкая, давящая. Она сидела в темноте, прижав к себе Бублика, и ждала. Ждала, что он придет. Что скажет: «Прости, я был неправ». Что обнимет ее, как раньше.

Но он не пришел.

И тогда Ксюша поняла: то, что случилось сегодня, — это не просто ссора. Это начало конца. И она не знала, хватит ли у нее сил, чтобы через это пройти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.